

вами, а не своей жизнью, и каждый день свой начиналъ приводимой Бирюковымъ (въ его біографіи писателя) молитвой о подаянні силъ для борьбы со всѣмъ тяжелымъ въ его человѣческой природѣ, мѣшающимъ вольно жить въ духѣ. И хотя признавалъ свое внѣшнее неосуществленіе добровольно принятымъ крестомъ, но плакалъ надъ искренними словами писемъ людей, умолявшихъ его быть самимъ собой и явить примѣръ міру свободнаго и живого существованія въ духѣ.

Загадка жизни и борьбы Толстого не можетъ быть еще решена на основаніи имѣющагося материала. Развѣ нельзя быть совершенно свободнымъ и полностью утвержденнымъ въ своемъ христіанскомъ сознаніи въ какой угодно обстановкѣ? И развѣ сила утвержденія этого не кажется еще рельефнѣе на фонѣ чуждой и даже враждебной обстановки? Но соображенія эти въ корнѣ поколеблены собственной неустойчивостью писателя впродолженіе его жизни въ Ясной Полянѣ, и въ особенности его уходомъ изъ нея. Вокругъ, какъ это уже объективно известно, было много злого, несправедливаго, тупого. Чуждая стихія внѣшняго міра, упорная, стойкая и грубая, врывалась въ покой религіознаго мыслителя и тяжко нарушила его. Крестъ оказался слишкомъ тяжелымъ, его немыслимо было вынести.